



### **Действующие лица**

Агата Трой Аллейн  
Кэти Босток  
Найджел Батгейт  
Сэр Генри Анкред, баронет  
Клод Анкред — его старший сын  
Томас Анкред — его младший сын  
Полин Кентиш — его старшая дочь  
Пол Кентиш, Патриция (Пэнти) Кентиш — его внуки  
Дездемона Анкред — его младшая дочь  
Миллимент Анкред — его сноха (жена покойного Генри Ирвинга Анкреда)  
Седрик Анкред — его прямой наследник (сын Миллимент)  
Достопочтенная миссис Клод Анкред (Дженетта) — его сноха (жена Клода Анкреда)  
Фенелла Анкред — его дочь  
Мисс Соня Орринкерт  
Мисс Кэролайн Эйбл  
Баркер — дворецкий в поместье Анкреда  
Доктор Уизерс — семейный врач там же  
Мистер Джунипер — аптекарь  
Мистер Рэттисбон — адвокат  
Мистер Мортимер — похоронное бюро  
«Мортимер и Лоум»

Родерик Аллейн — главный детектив-инспектор

Фокс — инспектор (отдел сыска Нового Скотленд-Ярда)

Бейли — детектив-сержант

Доктор Кертис — судмедэксперт

Томпсон — детектив-сержант

Сельский констебль

# Глава 1

## ОСАДА ТРОЙ

### 1

— Карбункул, месячный отпуск и муж, возвращающийся от антиподов, — раздраженно заговорила Трой, входя в студию, — сами по себе это вполне нормальные вещи. Но все вместе — страшная неразбериха получается.

Кэти Босток с тяжелым вздохом отступила от мольберта, прищурилась и, равнодушно посмотрев на свое творение, осведомилась:

— А в чем, собственно, дело?

— Звонили из Джи-1. Рори возвращается. Наверное, будет здесь недели через три. К тому времени я уже избавлюсь от карбункула и вернусь к девочкам в свою берлогу.

— По крайней мере ему не придется любоваться на твой карбункул. — Мисс Босток с отвращением взгляделась в дело рук своих. — И то хорошо.

— Он у меня на бедре.

— Знаю, бедалага ты моя.

— Однако, Кэти, — продолжала Трой, становясь рядом с подругой, — согласишься, ты должна признать, что это очень гадко... А у тебя получается, — добавила она, взглядываясь в изображение на холсте.

— Придется тебе переехать в лондонскую квартиру немного раньше, вот и все.

— Но если бы все так не сошлось, карбункул, Рори, отпуск — ну да, конечно, карбункул немного раньше, — мы бы провели здесь вместе пару недель. Адъютант генерала обещал, и Рори

писал в каждом письме... Признай, Кэти, что это весьма неприятно. Только не говори, что в Европе происходят вещи и похуже, то...

— Ладно, ладно, — умиратворяюще проговорила мисс Босток. — Я всего лишь хотела сказать, что, по удачному совпадению, твоя берлога и работа Родерика оказались в одном и том же месте, в Лондоне. Умей во всем находить хорошую сторону, дорогая, — нравоучительно добавила она. — Что это за письмо ты там теребишь все время?

Трой разжала узкую ладонь, в которой обнаружился смятый лист почтовой бумаги.

— Ты об этом? — смущенно спросила она. — А, ну да, ну да, конечно. Никогда такого бреда не читала. Взгляни.

— Он весь в кадмии.

— Знаю. Я уронила его на шпатель. К счастью, только обратная сторона запачкалась.

Мисс Босток расправила письмо на столе с красками — рядом с кадмием появились отпечатки кобальта. Это был лист почтовой бумаги, плотный, белого цвета, еще довоенного производства, с вензелем в верхней части, увенчанным гребнем в виде креста с зубчатыми краями.

— Ничего себе, — сказала мисс Босток. — Поместье Анкретон. Это... Ничего себе!

Мисс Босток была из тех, кто всегда читает письма вслух.

*«Мисс Агата Трой (миссис Родерик Аллейн)  
Тэтлерз-Эн-Хаус Боссикот, Бакингэмшир*

Уважаемая мадам!

Обращаюсь к Вам от имени своего тестя, сэра Генри Анкреда, который хотел, чтобы Вы написали его портрет в костюме Макбета.

Портрет, размером шесть на четыре фута, будет висеть в центральном холле особняка Анкретон. Будучи нездоров, мой тесть желал бы позировать здесь и приглашает вас приехать в субботу, 17 ноября, и пробить здесь столько, сколько понадобится для завершения работы. По его мнению, это займет примерно неделю. Он будет признателен, если Вы телеграфно известите, интересуется ли Вас его предложение, а также укажете размер гонорара.

Искренне Ваша,

*Миллимент Анкред».*

— Вот нахал! — не удержалась мисс Босток.

Трой усмехнулась.

— Ты наверняка обратила внимание, что мне предлагают сварганить картину шесть на четыре за семь дней. Интересно, а дорисовать трех ведьм и окровавленного ребенка тоже придется?

— Ты уже ответила?

— Пока нет, — пробормотала Трой.

— А ведь отправлено оно шесть дней назад, — строго сказала мисс Босток.

— Знаю. Моя вина. Как сформулировать в телеграмме: «Глубоко сожалею чужих домах картин не пишу»?

Кэти Босток помолчала, поглаживая своими короткими сильными пальцами вензель с крестом.

— А я думала, что такие штуковины бывают только у пэров, — заметила она.

— Видишь, тут крест с окончанием в виде якоря. Отсюда, наверное, и Анкред<sup>1</sup>.

— А, все понятно! — воскликнула Кэти, потирая нос пальцем в голубой краске. — Забавно.

---

<sup>1</sup> Игра созвучий: anchor (якорь) — Анкред.

— Что забавно?

— Ты ведь вроде делала декорации для одной постановки «Макбета»?

— Ну да. Точно, поэтому обо мне и вспомнили.

— Боже милосердный! Помнишь, — продолжала мисс Босток, — мы видели его в этом спектакле? Ты, Родерик и я? Нас Батгейты пригласили. Еще до войны дело было.

— Конечно, — кивнула Трой. — Он играл бесподобно, верно?

— Верно, и больше того, он выглядел бесподобно. Что за череп! Трой, помнишь, мы говорили...

— Говорили. Слушай, Кэти, ты, часом, не хочешь сказать...

— Нет, нет, конечно, нет. Во имя всего святого, нет! Но чудно все-таки, ведь мы тогда сразу согласились, что здорово было бы написать его в эдакой величественной манере. На фоне задника, который выкроили из твоей декорации, — плывущие облака и грубая черная стена замка. Сама фигура расплывчатая, в плаще.

— Вряд ли бы это его обрадовало. Старый господин, он, наверное, предпочел бы появиться в лучах света, и выражение чтобы подобающее было. Ладно, надо послать телеграмму. Ах, будь оно неладно! — вздохнула Трой. — Хорошо бы все же чем-нибудь заняться.

Мисс Босток хмуро посмотрела на Трой. Четыре года напряженной работы над плакатами для армии, а затем такой же и, пожалуй, требующей еще большей дисциплины работы в комитете ООН по оказанию помощи и реабилитации стали, похоже, большим испытанием для ее подруги. Она исхудала, сделалась немного раздражительна. На-

**10**           верное, было бы лучше, если б она могла по-

больше писать, подумалось Кэти. Мисс Босток не считала цветные карты, пусть самые необычные, компенсацией за отказ от чистого искусства. Четыре года без живописи и без мужа. «Слава богу, — подумала Кэти, — я не такая. Меня все устраивает».

— Если он будет здесь через три недели, — говорила Трой, — как думаешь, где он сейчас? Может, в Нью-Йорке? Но тогда он бы телеграфировал оттуда. Последнее письмо, разумеется, пришло еще из Новой Зеландии. И телеграмма тоже.

— Почему бы тебе не заняться работой?

— Работой? — рассеянно переспросила Трой. — А, ну да, конечно. Пойду все же пошлю телеграмму. — Она двинулась было к двери, но тут же вернулась за письмом. — Шесть на четыре, подумать только.

## 2

— Мистер Томас Анкред? — спросила Трой, разглядывая визитку. — Слушай, Кэти, милая, да ведь это он, собственной персоной.

Кэти, почти закончившая свое мощное полотно, отложила кисти и сказала:

— Это ответ на твою телеграмму. По твою душу приехал. А кто это?

— Насколько я понимаю, один из сыновей сэра Генри Анкреда. Театральный продюсер, что ли? Помнится, я видела это имя под перечнем исполнителей ролей — «Продюсер Томас Анкред». Ну да, точно. Это он занимался постановкой «Макбета» в «Единороге», о которой мы с тобой говорили. Видишь, и на визитке — театр «Единорог». Придется пригласить его поужинать, Кэти. Ближайший поезд только в девять. Снова консервы придется открывать. Боже, какая тоска.



— Не понимаю, почему он должен ждать именно здесь. В деревне есть забегаловка. Если уж он приезжает с поручением какого-то идиота...

— Посмотрю хоть, как он выглядит...

— Что, прямо так, даже рабочую блузу не снимешь?

— Да нет, пожалуй, — рассеянно сказала Трой и двинулась по дорожке, соединяющей студию с домом, где она жила. День выдался холодный. Обнаженные ветви деревьев покачивались со скрипом на северном ветру, по небу бежали свинцовые тучи.

«А если, — вдруг подумала Трой, — я войду в дом, а там — Рори? Допустим, он решил приехать тайком и теперь ждет меня в библиотеке. Он зажег огонь в камине, чтобы нам было тепло. Лицо его выглядит так же, как в первый раз, когда он стоял там, — немного бледное от возбуждения. Допустим... — Воображение у нее было живое, и она стремительно разматывала нить фантазии. Картина оказалась настолько ясной, что вызвала физическую реакцию: сердце заколотилось, а ладонь, стоило положить ее на ручку двери, ведущей в библиотеку, даже слегка задрожала.

Мужчина, стоявший перед холодным камином, был высок и несколько сутул. Волосы, слегка напоминающие по виду шелк-сырец, торчали на голове тонкими кустиками, как у ребенка. Он носил очки и, помаргивая, смотрел сквозь них на Трой.

— Добрый день, — заговорил мужчина. — Меня зовут Томас Анкред, впрочем, вам это уже известно из визитки. Надеюсь, вы не в претензии, что я явился сюда. Вообще-то ехать мне не хотелось,

**12** но семья настояла.

Он протянул руку — его рукопожатие было безвольным, Трой его почти не ощутила.

— Все это как-то очень глупо, — продолжал он. — Я имею в виду портрет папá, конечно. Знаете, мы все называем его папá. Некоторым кажется, что звучит сентиментально, но так уж сложилось. В общем, папин портрет. Должен сказать, что ваша телеграмма всех буквально повергла в шок. Мне позвонили и сказали, что вы, наверное, ничего не поняли и я должен поехать к вам и все объяснить.

Трой разожгла камин.

— Присаживайтесь, — предложила она, — вы, должно быть, замерзли. И объясните, я не поняла.

— Ну, прежде всего, что писать портрет папá — это честь. Я пытался растолковать, что как раз наоборот — это для нас честь, если вы вдруг согласитесь. Спасибо, я действительно сяду. Путь от вокзала неблизкий, и, по-моему, я натер пятку. Не возражаете, если посмотрю? Достаточно будет нащупать через носок.

— Я уже отвернулась, — сказала Трой.

— Точно, — объявил Томас после некоторого молчания, — волдырь. Ладно, для приличия ботинок снимать не буду, и так пройдет. Так вот, об отце. Разумеется, вам известно, что он — Великий Старик английской сцены, так что в это можно не углубляться. Кстати, вам-то самой хоть немного нравится его игра?

— В высшей степени, — сказала Трой. Хорошо, что это правда. Этот странный человек наверняка уловил бы любую фальшь.

— Правда? — переспросил он. — Рад слышать. Конечно, на сцене он весьма хорош, хотя временами немного поскрипывает, вам не кажется? И еще эти его фокусы! Не может сыграть

эмоциональную сцену без того, чтобы не дышать на весь зал. Но вообще-то да, играет по-настоящему хорошо, в своем деле он вроде как великолепная миссис Битон<sup>1</sup>. Рецепты всех блюд, и из лучших продуктов.

— Послушайте, мистер Анкред, — остановила его Трой, — к чему это все?

— Ну, это часть экспозиции. Чтобы заставить вас посмотреть на вещи под другим углом зрения. Великого английского актера рисует великая английская художница, понимаете? Я не думаю, что вам понравится поместье Анкретон, но взглянуть на него стоит. Выглядит очень аристократично. Портрет будет висеть под галереей менестрелей, со специальной подсветкой. Цена значения не имеет. Это в честь его семидесятипятилетия. Вообще-то он считает, что нация сама должна преподнести ему такой подарок, но, поскольку нация об этом как-то не задумывается, приходится брать дело в свои руки. Ну и о потомстве он, конечно, думает, — добавил Томас немного погодя, осторожно запуская ладонь в расшнурованный ботинок.

— Если вы хотите, чтобы я порекомендовала кого-нибудь из художников, кто мог бы...

— Иные протыкают волдыри, — перебил ее Томас, — но я не из таких. Нет-нет, спасибо, перечень лучших из дублеров уже и так составлен. Я рассказывал вам об Анкретоне. Вы ведь помните, как описываются замки в викторианских романах — залитые лунным светом башни и совы, летающие на фоне луны? Анкретон точно таков. Его построил мой прадед. Он снес славный дом времен королевы Анны

---

<sup>1</sup> Изабелла Мэри Битон (1836–1865) — автор знаменитой поваренной книги.

и возвел Анкретон. Сначала поместье обнесли рвом, но люди начали болеть дифтерией, тогда его высушили и принялись выращивать овощи. Кормят там хорошо, потому что овощей много, а во время войны папа велел вырубить Большую Восточную Чашу и сложить дрова в сарай — дров столько, что ими топят до сих пор.

Томас с улыбкой посмотрел на хозяйку. Улыбка у него была неуверенная и какая-то кривоватая.

— Да, — сказал он, — вот вам и Анкретон. Думаю, он вам не понравится, но покажется забавным.

— Поскольку я не собираюсь... — заговорила Трой, чувствуя, что ее охватывает паника.

Но Томас словно не услышал.

— Ну а помимо того, разумеется, семья. Отлично! Для начала папа, и Миллимент, и Полин, и Пэнти. Как вы относитесь к эмоциям?

— О чем это вы?

— У нас очень эмоциональная семья. Ее члены всё переживают самым глубоким образом. И самое забавное, — продолжал Томас, — что они действительно всё глубоко переживают. Они по-настоящему чувствительны, только все думают, что так не бывает, невозможно быть таким чувствительным, какими они представляются, и в этом беда всей семьи. — Томас снял очки и, прищурившись, невинно посмотрел на Трой. — Но мои родственники испытывают удовлетворение от осознания того, что они гораздо чувствительнее всех остальных. Думаю, это тоже вас позабавит.

— Мистер Анкред, — терпеливо начала Трой, — я сейчас в отпуске, не вполне здорова, видите ли...

— Правда? А выглядите хорошо. Что с вами?